

КНИГИ, О КОТОРЫХ ГОВОРЯТ

АВАНТЮРНО

КИРИЛЛ СМОРОДИН

537 ДНЕЙ БЕЗ СТРАХОВКИ

КАК Я БРОСИЛ ВСЕ
И УЕХАЛ
КОЛЕСИТЬ ПО МИРУ

Лексикон! Содержит
18+
нецензурные выражения

Кирилл Смородин
537 дней без страховки.
Как я бросил все и
уехал колесить по миру
Серия «Книги, о которых говорят»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73497723
ISBN 978-5-04-242752-7

Аннотация

Кирилл Смородин в 29 лет после затяжной депрессии думал покончить жизнь самоубийством. На очередном сеансе психотерапии он решил совершить невероятную глупость, которую раньше себе не позволял. Собрав рюкзак и попрощавшись с родными, он без денег и страховки отправился в кругосветное путешествие длиной в 537 дней, которое станет для него спасением.

Во время путешествия Кирилл:

- Провел ночь на Великой Китайской стене.
- Сплавлялся 9 дней на самодельном плоту до Лаоса.
- Летал на частном самолете над Сан-Франциско.
- Пересек Америку по ROUTE 66.
- Работал матросом на шхуне 1925 года.

И заново научился любить жизнь.

Содержит нецензурную лексику

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Пролог	6
Таможня, депрессия и родной папа	7
День последний. День первый	13
Вокруг света	20
Сценарии	22
Как я стал пчеловодом	30
Городской	30
У пчел выходных не бывает	37
Багровые закаты	40
Что там на Урале?	44
Горный Алтай	48
Дом для всех	48
Ороктойские пещеры	50
Холод	60
Девочка с железной дороги	63
Кругобайкалка	63
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Кирилл Смородин
537 дней без страховки
Как я бросил все и
уехал колесить по миру

© Смородин К.А., текст, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Пролог

«Около десяти минут назад я вышел из дома с целью совершить кругосветное путешествие. Я не знаю, что ждет меня впереди, сколько дней проведу в пути и когда вернусь домой. Знаю только одно, что назад я уже не поверну. Такой мой характер. Сейчас я испытываю смешанные чувства, но не хочу грустить. Дальше с вами будет, как всегда, озорной весельчак Кирилл Смородин, который отправился в путешествие вокруг света. Все наблюдения, заметки и чудачества моего странствия я буду описывать в этом блоге. Всем мир».

Этот текст был опубликован на моей странице в социальных сетях и датирован 13 июля 2017 года. Домой я вернулся в 2019 году, спустя 537 дней. Книга, которую ты держишь в руках, – это история моего путешествия.

Таможня, депрессия и родной папа

Я не смогу рассказать, что было до Большого взрыва и возникновения Вселенной, но смогу поведать, кем я был и чем занимался до того, как решил отправиться в главную авантюру своей жизни.

Сейчас мы переместимся на 10 лет назад, где в кулуарах таможенных служб вы могли бы увидеть меня с красным лицом и кучей документов в руках. Окончив университет, я покинул родной Севастополь и отправился в город Санкт-Петербург, где устроился работать в логистическую компанию. Я никогда не мечтал об офисной работе, таможне и фурах с одеждой и сантехникой. На тот момент я был запущавшимся и потерявшимся человеком, которого привлекали лишь деньги и желание вырваться из оков провинциальной глубинки.

Восемь долгих лет я отдал профессии, которую не любил, а порой и ненавидел. Профессии, которая выжигала горячим пламенем бюрократии и человеческой черствости во мне дыру, в которую я чуть не провалился. Сегодня я вспоминаю это время с горечью и благодарностью одновременно. Я благодарен человеку, который взял меня на работу. Получив огромный опыт, я познакомился с разными людьми, как приятными, так и не очень. Я не чувствовал финансовой нужды и мог позволить себе разные блага, которые на тот момент

казались мерилом успеха. Я мог позволить себе многое, но не мог позволить быть самим собой. Восемь лет я работал на совесть и сделал много полезного, но в глубине души я понимал, что занимаюсь не своим делом. Я постоянно ощущал вибрации подсознания, подсказывающие, что сценарий текущей жизни выбран не мной. Моя истинная миссия находилась далеко от реальности, и меня это очень тревожило. В итоге нелюбимая работа и долгие годы внутреннего конфликта привели меня к черной дыре, которую принято называть депрессивным психозом.

Когда люди мне говорят, что у них депрессия, то я никогда не усмехаюсь и не советую отвлечься, посмотреть киношку и скушать мороженое. Я знаю депрессию в лицо. Я знаю, что она страшная и темная. Это ощущение незначимости, ненужности и полного безразличия к происходящему. Помню, как я лежу на полу и у меня просто нет сил встать. Реальность вокруг потеряла краски. Я выглядываю в окно, а там черно-белые улицы, серые автомобили и люди без лиц. Темнота повсюду. А если сейчас выйти в это окно? Что изменится? Что будет там?

В тот день я долго сидел на подоконнике, глядя в беспробудную темноту, но в окно не вышел. На следующий день я записался к психотерапевту. Я посещал специалиста около года, принимая таблетки с забавными названиями и таким же эффектом. Если честно, то мне нравились нейролептики и антидепрессанты. Особенно с алкоголем. Они придавали

мне состояние какого-то безудержного веселья и авантюризма. В те времена многие друзья и знакомые меня сторонились, потому что никогда не знали, чего ожидать. Мое настроение за несколько минут менялось от совершенно унылого до крайне героического. Я мог бормотать в телефонную трубку, что никуда не поеду и останусь дома, а через полчаса уже лез в окно с цветами. Я мог смеяться взхлеб как умалишенный, а через пять минут плакать как ребенок. Порой меня посещали странные идеи. Как, например, похитить и запихнуть в багажник машины своего друга под видом незнакомца и смотреть на реакцию людей, подъехать к бабушкиному балкону на пожарной машине или надеть гусарский китель и слоняться по улицам Петербурга, доставая прохожих глупыми вопросами. Между прочим, все эти идеи я воплотил жизнь. Только легче не становилось. Это были лишь мимолетные всплески эмоций и радости. Каждый день мне вновь приходилось идти на серьезную работу и утопать в рутине. Дни тянулись невозможно долго, а ночи превратились в бессонные. В любое время суток меня сопровождало чувство усталости. И не важно, вставало солнце или заходило. Вокруг всегда была темнота. Всегда.

Однажды на приеме у психотерапевта я сказал, что у меня есть мысли покончить с собой. Врач задумался и ответил мне, что если у меня есть такие мысли, то почему бы сначала не сделать что-нибудь полезное для человечества, например отправиться волонтером в Африку или что-то в таком

духе. Мысль показалась мне интересной, но слегка скучной. Уж буду честен перед тобой. И тут я подумал: а что, если действительно сделать что-то дурацкое и безрассудное? Что-то, выходящее за рамки сознания и возможностей. Я ехал домой, а в голове мелькали обрывки разговоров про Африку, волонтерство, незнакомые страны. Именно в тот день в кулуарах моего сознания зародилась идея большого путешествия. Я зашел домой, лег на пол и уставился в потолок, плотно укутавшись в фантазии. Я представлял пыльные дороги, незнакомые города, тропические джунгли, моря и океаны. И тут в фантазии появилась фигура мужчины, которая медленно приближалась ко мне. Этот человек стоял на носу огромного корабля, в красивой белой форме, с пышными усами и дымящейся трубкой. Это был мой родной отец. Мало кто знает, но мой папа – моряк.

Да, мой папа – моряк. Всамделишный капитан дальнего плавания. Я хорошо его помню, хоть они и разошлись с мамой, когда я был совсем мелким, безусым юнцом. Отец был невысокого роста, смуглый, коренастый, с жесткой колючей бородой и серо-голубыми глазами, взгляд которых был направлен куда-то сквозь пространство. Он никогда не воспринимал ничего серьезно, кроме моря. Даже когда он был на берегу, мне казалось, что он постоянно смотрит куда-то вдаль в поисках бесконечно-синей толщи воды и маленьких кораблей, которые хаотично ее бороздят. Когда он рассказывал морские байки про пиратов и глубоководных обитате-

лей, я смотрел на него с благоговением. Картинка реальности начинала дрожать по швам, как в фильме «Джуманджи»: еще секунда – и морские монстры и таинственные галеоны с золотом заполнили бы нашу крохотную комнатку в севастопольском общежитии. Я смотрел на его глубокие морщины и мечтал, что вырасту и смогу так же рассекать моря на парусном фрегате, путешествовать по городам и странам без обратного билета, чувствовать себя первооткрывателем.

Отец исчез из моей жизни незаметно и бесповоротно. Словно в один прекрасный день он решил больше не возвращаться на сушу и провести в океане оставшуюся вечность, как капитан «Летучего голландца». У него новая семья и новые дети. Я тогда не спрашивал у мамы, почему так произошло, а сейчас уже неинтересно. Тем более тебе. Ведь до этого момента мало кто знал, что мой папа – моряк.

Вместе с отцом исчезло и желание быть исследователем. Маме приходилось много работать, и я был предоставлен сам себе. Я много времени проводил на улице, а летом болтался у бабушки с дедушкой. Я до сих пор думаю, что отцовские чувства никто и никогда ребенку не заменит. Меня воспитывала улица, и думаю, что это не самое плохое образование. Но я сбился с курса и утратил детские мечты. Потерял желание быть кем-то и куда-то стремиться. Я знаю, что мой отец жив и здоров. Папа, если ты читаешь эту книгу, то знай, что я не обижаюсь. Все сложилось так, как нужно. Детские переживания и взрослые испытания были необходимы, чтобы

стать сильнее. Чтобы потерять себя полностью и вновь обрести. Чтобы пройти путь длиной в 537 дней вокруг света.

День последний. День первый

Я готовился к путешествию больше двух месяцев. Одним из самых тяжелых моментов было увольнение с работы. Морально я давно был готов к уходу, но никогда бы не подумал, каким психологически сложным окажется последний день. Когда ты собираешь личные и памятные вещи. Когда все вокруг знают, но делают вид, что все нормально. Когда ты последний раз идешь по коридорам здания, в котором провел восемь лет. В этот день я задумался: а сколько в этом мире людей, которые продолжают из года в год ходить на работу без улыбки на лице? И сколько людей, которые не решаются сделать поворот на 180 градусов и уйти в никуда? Я совру, если скажу, что мне не было страшно. Мне было страшно. Даже очень. Но где-то глубоко внутри я знал, что этот путь в никуда – это новая ступень моего развития как человека. Как существа живого, мыслящего и чувствующего. Поэтому я взял из ящика фотографию ребят из моего отдела, схватил под мышку дедушкину картину с красными цветами, которая долгие годы висела у рабочего стола, и ровно в 18.00 вышел из офиса. Коллеги провожали меня сочувствующими взглядами и хотели как-то поддержать, но не знали, что сказать. Я шагал все дальше и дальше, ощущая их взгляды. Думаю, что в этот момент они жалели меня, считая человеком безрассудным, но я чувствовал другое. Я чувствовал неве-

роятную легкость и волнительный трепет в сердце. Теперь я мог шагать куда угодно и стать кем угодно, но это ощущение чистой свободы пришло далеко не сразу.

В первые безработные дни я кайфовал, что могу носить только ту одежду, которая мне нравится. Это чувство действительно приятное, особенно когда тебе необходимо было каждый день соответствовать дресс-коду. Уже тогда я решил, что если я надену когда-нибудь пиджак, то вместе с яркими шортами, как у Ника Вустера. Мне категорически нравилось не жить по четкому графику. Не заставлять себя начинать работать по сигналу, обедать по сигналу и по сигналу уходить домой. В нашей жизни организованность имеет важное значение, но если все делать по плану и не оставлять места для импровизации, то по сигналу мы начнем покупать в кредит телевизоры, принимать ванну, тереть пятки пемзой (это личное), чувствовать, любить, рожать детей, стареть, умирать по сигналу в конце концов. Ну куда это годится?

У меня не было четкой даты начала кругосветки. Я решил продвигаться вглубь России с запада на восток с целью увидеть свою страну. Ведь Москва и Санкт-Петербург – это не Россия. Полагаю, что это давно всем известно. Лето – отличное время, чтобы проехать автостопом через огромную страну, а потом двинуть в Китай и далее в Юго-Восточную Азию. Это и был весь план. Я решил полностью отдаться воле судьбы. Уволившись в мае, я подумал, что несколько месяцев для подготовки будет достаточно. Я купил рюкзак, фотокамеру,

палатку, попросил маму связать мне красную шапку, как у Жак-Ива Кусто, и на этом подготовка завершилась. До этого момента у меня не было никакого серьезного опыта самостоятельных путешествий. Я просто забил на все и на всех. Пусть меня ведет дорога. Мне настолько осточертела прежняя жизнь, и мне было все равно, что произойдет за порогом дома. Главное, что это будет что-то незнакомое, новое, интригующее.

Стоял по-настоящему теплый майский вечер, какие большая редкость в Северной столице. Я заехал в гости к маме и, между прочим, сказал, что подумываю летом проехать от Санкт-Петербурга до Владивостока автостопом. Я решил не шокировать ее наполеоновскими планами кругосветного путешествия. На удивление, мама очень положительно отнеслась к идее. Она видела меня в разных состояниях и знала, что на тот момент я был глубоко несчастлив. Поэтому, когда меня спрашивают, как уговорить родителей, чтобы они отпустили ребенка в длительный трип, я отвечаю, что не знаю. Моим родственникам не пришлось что-либо долго объяснять. Наверное, потому что я уже был довольно взрослым человеком, а может, потому что они видели, что я погибаю, и переживали за то, что может произойти, если я ничего не изменю.

Теплый и расслабленный июнь пробежал в высокопарных застольях и беседах с друзьями о предстоящем путешествии. Я гулял и кутил, прощаясь с Петербургом, однако, сам то-

го не осознавая, постоянно отодвигал дату выхода из дома. Сейчас я уже могу признаться, что это был страх. Я знал свой характер и боялся его. Я понимал, что в тот момент, когда выйду из дома, обратной дороги уже не будет. Я умру, но пойду до конца. Сложно решиться на то, что не имеет начальной и конечной точек отсчета. Никто не заставлял меня отправляться в кругосветное путешествие. Никто не выгонял меня метлой из дома. Я мог бы день за днем откладывать начало, ссылаясь на те или иные причины. Человеческая природа такова, что в любой отрезок нашей жизни может проникнуть прокрастинация. Даже если это момент, когда ты собираешься отправиться в грандиозную авантюру.

Сила момента. Сила намерения и решения. Я уверен, именно эти факторы являются образующими для совершения действия. Когда твоя сила намерения перевесит страх и неуверенность, ты сделаешь то, о чем так долго мечтал. Важно почувствовать этот момент и не упустить. Поймать его за хвост, как древнего летающего дракона. И, запрыгнув на его кожаную чешуйчатую спину, понестись далеко-далеко в небо.

13 июля 2017 года я проснулся очень рано. Непривычно рано. Я медленно подошел к окну и полностью отворил его. В комнату ворвался свежий, бодрящий утренний ветер, который наполнил пространство каким-то волшебным, невидимым вайбом. Я окинул взглядом комнату. Повсюду разбросаны привычные вещи. Моя удобная, комфортная кро-

вать. Моя одежда. Мои книги. Все это придется оставить. Возможно, навсегда. И тут я понял, что это произойдет сегодня. Этот день наступил. Без лишних слов я пошел собирать рюкзак. Закинул туда, как мне казалось, все самое необходимое, позвонил маме, и мы побрели прощаться с бабушкой и дедушкой. Я как сейчас помню их глаза, наполненные слезами. Когда внук уходит гулять на улицу, бабушка просит его надеть шапку. Когда внук уходит в кругосветное путешествие, остаются лишь эмоции. Сложные, спутанные, но такие искренние. В них столько жизни. Наши бабушки и дедушки – это всегда история про риск. Каждый раз, обнимаясь на лестничной площадке, мы принимаем прощание как последнее. Так не хочется об этом думать. Лучше о чем-нибудь другом. Никогда дедушка не обнимал меня так крепко. Я помахал им рукой. Они долго выглядывали из-за двери, пока я не скрылся за поворотом коридора. Дверь закрылась.

Первый день путешествия напоминает мне состояние нахождения под водой. Когда я был маленьким, любил нырять и смотреть на морское дно, где среди водорослей мелькали яркие рыбы, а между камней сидели крабы, похожие на древние окаменелости. Когда воздух заканчивался, в голове наступала легкая эйфория. Состояние, похожее на опьянение. В тот день я ощущал именно такую эйфорию. Реальность дрожала по швам, как в детстве, когда в небольшой комнате общежития, сидя на коленях у папы, я слушал с открытым ртом его истории.

Мама вызвалась провожать меня до остановки. Мы шли и молчали. Я помню, что мама взяла меня за руку. Маршрутка, которая должна была вывезти меня за город, приехала очень быстро, а мне почему-то хотелось подольше задержаться на остановке. Я взглянул на маму. Удивительно, что она была очень спокойна. Она посмотрела на меня, обняла и тихо сказала:

– Ничего не бойся. Ты уже все решил. Все получится. Я знаю.

Я зашел в маршрутку и пробрался к сиденьям у окна. Маршрутка тронулась, и я, прилипнув к окну, махал маме рукой. Ее фигура становилась все меньше и меньше, а она все махала. Я не знаю, о чем она думала в тот момент. Мне сложно это представить. Поэтому следующие строчки напишет моя мама. Я публикую их здесь, а мы с тобой увидимся уже в дороге. Кругосветное путешествие началось.

«Я была спокойна и, может, прозвучит странно, рада тому, что происходило. Потому что смотреть на то, что от тебя осталось на тот момент, было невыносимо... Я старалась помочь, готова была быть с тобой 24 часа в сутки, но понимала, что это ничего бы не изменило, мне это было не под силу... Я помню, когда жила у тебя несколько дней. Я готова была закрыть тебя всем телом и спасти тебя. Я видела, как тебе плохо. Я помню, как ты пришел на обед, а я что-то щебечу и щебечу тебе. А ты смотришь в тарелку, а у тебя слезы капаят в эту тарелку. Я видела безысходность взрослого здорового

мужчины. Поэтому на тот момент я приняла бы любое твое решение. Самое невообразимое и невероятное. Так что это было не самое плохое! Главное – не в монастырь. Мама».

Вокруг света

Дорогой друг, перемещаясь вместе с тобой по планете и по страницам этой книги, я расскажу тебе самые эпичные и знаковые истории, которые произошли со мной в пути. Я уверен, что это намного интереснее, чем многочисленные диалоги с дальнобойщиками о российских реалиях, Сталине и проститутках, так часто описываемые бродягами-писателями. Я не хочу, чтобы книга превратилась в быт путешественника. Я хочу, чтобы она стала для тебя вдохновением, мыслью, мотивацией, верой в себя и в этот мир. За 537 дней путешествия со мной случились поистине поразительные и волшебные истории. Впереди тебя ждут новеллы о моем путешествии, которые плавно следуют одна за одной, хронологически складываясь в большой пазл кругосветного путешествия. На форзаце книги ты сможешь увидеть карту с маршрутом кругосветного путешествия, где с помощью рисунков отмечены места, описанные в новеллах.

Наша жизнь состоит из спонтанных встреч, неожиданных событий и случайностей, казалось бы, никак не связанных между собой. На самом же деле, если ты откроешь свое сердце и душу, если сознание твое будет свободно и не сковано навязанными ожиданиями, то с тобой начнут происходить вещи абсолютно невероятные. Тогда твое путешествие и твоя жизнь обязательно превратятся в одно большое при-

ключение.

Принято думать, что для кругосветного путешествия нужна приличная сумма денег. Так вот, заранее скажу, что такой суммы у меня не было. После покупки рюкзака и других принадлежностей у меня осталось около 60 тысяч рублей. С ними я и отправился в путь, рассчитывая найти способы заработка в дороге и прочувствовать жизнь настоящего бродяги. И поверь, я ее прочувствовал сполна.

Сценарии

Россия – страна огромная. С этим сложно поспорить. Особенно когда едешь по ней автостопом. Поднять руку на трассе сложно лишь в первый раз. При этом рука становится свинцовой, а нутро сопротивляется тому, что большой палец возвысился над пыльной дорогой и ты превратился в человека просящего. Еще несколько месяцев назад я в брюках со стрелками ходил на бизнес-ланчи, а сегодня стою на трассе и мимо проносятся фуры, обдавая меня мощным потоком ветра. Я не любил долго стоять на одном месте и часто шел вдоль дороги с поднятой рукой и папиросой в зубах. На некоторых участках было такое узкое расстояние до края дороги и грузовики проносились настолько близко, что казалось, они могут зацепить меня за рюкзак и автостоп произойдет незапланированно. Поначалу, выходя на трассу, я рисовал таблички с названиями городов. Не уверен, что это сильно помогало, но для меня это стало ритуалом, поэтому я продолжал перед каждым выходом на трассу заниматься изобразительным искусством. Забегая вперед, скажу, что последнюю табличку я нарисовал во Владивостоке, проехав автостопом через всю Российскую Федерацию.

Уже десять дней я пробирался через необъятные просторы нашей страны, а в голове крутился один и тот же вопрос: «Зачем я это делаю?» Ответа я не находил. Проще было про-

сто продолжать движение. Я успел зависнуть в Нижнем Новгороде, остановиться на несколько дней в блестящей Казани и даже сходить с местными ребятами в поход на Камское Устье. Это место, где Кама впадает в широченную бескрайнюю Волгу, где леса простираются до самого Урала, где комары размером с кулак, а люди обычного размера, но очень простые и добродушные. Уже в тот момент я ощущал, что человеческая доброта расширяется вместе с Волгой, удаляясь от столичных городов и разливаясь по всей России. Большое спасибо Надежде и Роману Насыровым, которые приютили меня в Казани и показали эти места, учитывая то, что у меня не было ни одного отзыва на каучсерфинге. Я ставил себя на их место и размышлял: а я бы так сделал? Принял бы человека без отзывов и фотографий из путешествий, который в 29 лет решил отправиться в кругосветное путешествие автостопом?

Шел десятый день путешествия. Кромешная ночь опустилась на Камское Устье. Я лежал в палатке недалеко от Волги и смотрел на звездное небо. Я ни черта не соображал в астрономии и созвездиях, но я же могу составить свои. Нет никаких проблем. Собираешь звезды в кучу, представляешь, на какого волшебного зверя они похожи, и придумываешь название. Разве не так поступали звездочеты тысячу лет назад?

В ту летнюю ночь я ощущал, что, несмотря на тревогу, я в начале большого пути. Я был воодушевлен то ли собой, то ли красотой природы и силой Волги. Глаза закрывались. Я

вяло листал ленту новостей, удивляясь наличию интернета в столь отдаленном от города месте. И тут, среди сотен безликих постов, я наткнулся на забавное объявление. В башкирской деревне со сложным названием люди искали работника на пасеку. Что я знаю об этой профессии? Ничего. Что я знаю о Башкирии? Ровно столько же.

На следующее утро мы с ребятами вернулись в Казань, а спустя час я стоял на окраине города на трассе М7 с твердым желанием облачиться в космический костюм пасечника и общаться с пчелами на одном языке. Прошло два часа с момента моего появления на дороге с табличкой «Уфа». Ни одна машина не остановилась. Я прошел несколько километров с рюкзаком за плечами, периодически останавливаясь и разворачиваясь лицом к проезжающим машинам. Один опытный путешественник сказал мне, что если в течение 15 минут никто не останавливается, то необходимо менять место либо менять настроение. Меня начала одолевать злоба. Что, вам, черти, сложно подобрать человека! Злоба и нетерпение росли с каждой минутой. Я уже проклинал не только всех водителей, но и себя за то, что придумал эту авантюру. Я остановился, сел на землю, сделал глубокий вдох. Откуда во мне столько злости? Что есть зерно этого раздражения, рожденного в ситуации, которую я сам создал? Почему мы всегда считаем, что этот мир что-то нам должен? Я погружался в мысли, сидя на обочине, облокотившись на рюкзак, а мимо пронеслись машины и автобусы, даже пролетел ка-

кой-то мотоцикл с веселыми сельскими пацанами, окинувшими меня мутными опьяневшими глазами. Хочется есть. Я достал большое красное яблоко и стал его грызть, уставившись вдаль с идиотским выражением лица. Ну не подберут меня сегодня, и что? Поставлю палатку, почитаю книгу, позвоню бабушке и расскажу ей о природе Камского Устья. Торопиться некуда. Ведь и этот момент сейчас прекрасен. Дада, сейчас, сидя на пыльной трассе, но обогретый солнцем Татарстана и с яблоком в руке, со здоровыми руками, ногами и, возможно, головой.

Я вглядывался в даль, проваливаясь дальше и дальше в подвалы сознания. Вдали виднелся лес, русский густой лес. Зеленые хвойные макушки упирались в ярко-голубое небо, расстилаясь до самого края, где сливались с границей горизонта. Проносившиеся мимо автомобили создавали постоянный шум. Я начал привыкать к звукам двигателей, скрежету железа и шуршанию резины на асфальте. Иногда мне казалось, что люди специально сигналили, пытаюсь то ли подбодрить, то ли отпугнуть меня подальше от дороги. Однако один сигнал выделялся из этой какофонии и нарастал все сильнее и сильнее. Я очнулся от оцепенения, пытаюсь понять, что происходит. Повернув голову, я заметил, что метрах в тридцати от меня остановилась фура. Водитель включил аварийку и яростно сигналил. Я схватил рюкзак и побежал к грузовику, надеясь, что звуковые и мигающие сообщения адресованы мне. Добежав до фуры, я открыл тяжелую дверь и за-

брался на несколько ступенек. Не дождавшись приветствия, водитель выпалил:

– Ты, бля, глухой или пьяный? Я тебе сигналю уже пять минут!

– Замечтался. Давно сижу, – протянул я неуверенно.

– Куда едешь?

– В Уфу работать на пасеку.

– Залезай. Рюкзак можешь сюда кинуть. – Водитель показал на пространство позади себя, где было расположено спальное место.

Мы проехали молча несколько сотен метров, а потом он повернулся ко мне и спросил:

– Вот скажи мне. Я вас таких регулярно подбираю и задаю один и тот же вопрос. Вы зачем это делаете? Какой смысл бродяжничать и ловить машины на дороге? Я вижу, что ты не бомж. При этом взрослый пацан и голова на месте. Найди ты себе работу, жену, семью заведи. Отвечай, зачем?

– Я не знаю. Я не могу точно объяснить.

– Тьфу! – Водитель смачно сплюнул в окно. – Снова-здорово. Еще один незнающий. Хоть бы кто-то мне объяснил, – продолжал он, покручивая у виска толстым, как сарделька, пальцем. – Поколение дебилоидов. Без цели и смысла в жизни, – добавил он со злостью и негодованием.

– А может, я поехал искать смысл? – ответил я, как бы спрашивая водителя и самого себя заодно.

– Не там ты ищешь. Вот у нас было все просто. Работа,

семья, дети. Все было четко. Наш сценарий был понятен. Мы знали, что строили.

Теперь разозлился уже я. То ли на водителя, то ли на самого себя, что в 29 лет не могу ответить на вопросы дальнобойщика, и я съязвил:

– И что, построили?

Водитель резко глянул на меня. Его глаза завертелись в орбитах и засверкали. Он уже открыл рот и собирался что-то крикнуть, а я весь внутри сжался, готовясь принять удар. И тут он завис на несколько секунд, и мне показалось, что в этот момент на его лице проявились тысячи морщин. Он достал сигарету, чиркнул несколько раз зажигалкой, сильно затянулся и на выдохе брякнул:

– Ни хера не построили. Чертовы американцы нас сожрали.

В первые дни путешествия я понял, что дальнобойщики – это особая каста. Разговоры с ними почти все одинаковые и на одни и те же темы. Мне показалось, что эти простые ребята очень остро чувствуют боль России, хоть и не всегда могут грамотно сформулировать ее. Это и не нужно. Боль видна в их глазах. Сан Саныч оказался классным мужиком. Невысокого роста, с небольшим животом, облысевший, но крепкий мужик. Он был одет в растянутые штаны Adidas и полосатую тельняшку. Сан Саныч вез конфеты и пряники из Москвы в Уфу. Женатый, с двумя детьми и с виду счастливый человек, но вынужденный постоянно работать, не выби-

раясь из кабины грузовика. На лобовом стекле у Сан Саныча были наклеены картинки голых женщин и среди них почему-то висел портрет Сталина, а на приборной панели прикреплены православные иконы.

Мы ехали в прокуренной кабине грузовика все дальше в глубь России. За мутным окном проносились густые бесконечные леса. Сан Саныч рассказывал мне о том, что дефицита на самом деле в СССР не было, а Горбачев – агент ЦРУ. Я слушал его, улыбался и не спорил.

В Уфу мы приехали в два часа ночи. Сан Саныч понимал, что в темноту ночи меня не выгнать, да и не таким он был человеком.

– Ну что, – прохрипел он, – давай спать, мне утром на разгрузку, а ты по своим делам. Залезай на вторую полку.

До этого момента я не знал, что в фурах есть вторая полка, как в плацкартном вагоне. Я мигом на нее забрался и растянулся, довольный, как кот. Когда бродяжничаешь, то начинаешь ценить любые приятные мелочи. Будь то крепкий сон на мягкой кровати или пирожок с картошкой, протянутый дальнобойщиком. Сан Саныч выкурил несколько сигарет, словно переживая, что во сне он будет испытывать никотиновую ломку и надо срочно наполнить пространство плотным дымом. Я летал в душном едком облаке и думал о том, как работает механизм сценариев жизни. Почему целых два часа никто не останавливался, а я злился и выл от негодования, постоянно прокручивая мысль, что люди безнравствен-

ные, черствые упыри и мир не идет мне навстречу. Я требовал от Вселенной исполнения моих желаний здесь и сейчас, но в ответ слышал тишину. Как только я отпустил ситуацию и принял ее данность, сохранив намерение и решительность, то произошла магия и появился Сан Саныч с конфетами на борту. Может быть, так это работает... Может, так мы можем менять сценарий жизни? Глаза закрываются. Пора спать.

– Сан Саныч.

– Че тебе?

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Как я стал пчеловодом

Городской

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Двенадцатый день кругосветного путешествия. Старый раздолбанный автобус везет мое брэнное помятое тело в село Ибрагимово, Гафурийский район, Республика Башкортостан. Там я решил провести несколько недель на пасеке, примерив на себя профессию пчеловода. Городская черта закончилась, и мы мчались среди сельских пейзажей. Бескрайние цветущие поля и такой знакомый лес. Редкие покосившиеся домики вдоль дороги походили на старичков, которые приветствовали проезжающих, слегка согнувшись в поклоне. Колеса автобуса зашуршали по асфальтированному покрытию. Мы ехали по мосту, а под ним извивалась спокойная, темно-синяя речка, берега которой заросли высокой густой травой. Июль был в самом разгаре. Я приоткрыл окно и вдохнул запах башкирского лета. Лето всегда хочется вдыхать глубже, чтобы запомнить подольше.

Дверь захлопнулась, я поставил рюкзак на землю и замер в ожидании, пока рассеется пыль после автобуса. Полуразрушенная остановка, несколько кирпичных домов, продуктовый магазин и здание школы, смахивающее на психбольницу

из голливудских фильмов, – моя Россия. Я закинул рюкзак за плечи, проложил маршрут на карте и потопал пешком в сторону пасеки. Я прошел метров сто, привыкая к местным пейзажам и вспоминая тезис, что молодежь уезжает из периферии. Похоже, на это есть объективные причины. Вдруг передо мной резко затормозил автомобиль. Я попытался обойти его сбоку, но из окна выглянул сухопарый башкир и блеснул золотыми зубами.

– Эй, куда идешь с таким чемоданом? – сказал он, намекая на рюкзак за спиной.

– На пасеку к Зиннуру, – стараясь выговорить правильно имя, ответил я.

– Ай, опять Зиннур к себе иностранцев приглашает.

– Я русский, – сказал я удивленно. На русском же говорю.

– Садись, довезу, а то пешком минимум час идти.

Я запрыгнул в темно-зеленые «Жигули», захлопнул с третьего раза дверь, в которой торчала отвертка, и мы понеслись по настоящей России. Без дорог, без инфраструктуры, без правил дорожного движения и без каких-либо других правил. Мне кажется, как и 100 лет назад, чем ближе к столицам, тем больше люди боятся правосудия и наказания, а чем дальше, тем чувствуют себя свободнее и наглее. Кто здесь увидит и услышит?

Башкир с золотыми зубами высадил меня в каком-то поле. Среди зеленой, заросшей травой и цветами поляны возвышался одноэтажный деревянный домик, огороженный кри-

вым редким забором. Я осторожно открыл калитку и выкрикнул несколько раз имя хозяина пасеки. Никто не отозвался, и я вошел в дом.

Тут мне открылась поистине удивительная картина. Передо мной в костюме пасечника сидел китаец и, напевая песню из фильма «Титаник», крутил плоскогубцами железную проволоку. Я закрыл глаза на несколько секунд и открыл снова. Китаец сидел на месте и пел Селин Дион. Увлеченный занятием, он явно не заметил, как я вошел в дом. Я боялся спугнуть его перформанс и прикрыл рот ладонью, потому что дико хотел засмеяться.

– Привет, а где босс? – сквозь смех прокряхтел я, прервав выступление китайца.

– Ааа, привет! Ты Кыррыль? – ответил он с ужасно смешным акцентом.

Тут я не выдержал и засмеялся. Китаец тоже начал смеяться. Таким смехом обычно смеются в компании, когда кто-то начал хихикать, а остальные уже не могут остановиться. Я не знаю, сколько бы продолжался этот безудержный хохот, но в двери показался хозяин пасеки Зиннур.

– Ага, вот и все в сборе, – улыбнулся он и крепко пожал мне руку. – Чай будешь? Сейчас чаю попьем и за дело. Кстати, первое правило – всегда надевай костюм пчеловода. Скоро поймешь почему. Можешь выбрать себе любой. – Он указал на одежду, сохнущую у окна на гвоздях. – Второе правило – чай всему голова. А третье – от тебя несет духами

за километр. На пасеке нельзя пользоваться всякой химией. Пчелы чувствуют запах и будут злиться.

Я машинально обнюхал себя. Как это я сохранил запах туалетной воды, если с самого начала путешествия я ей не пользовался.

– Да ты не удивляйся, – добавил Зиннур, увидев смятение в моих глазах. – Я сразу городских чувствую, а пчелы тем более. Вы годами на себя всякую дрянь выливаете, и она быстро не выветривается. Ладно, знай, что нельзя у нас тут пшикаться. Мужик должен пахнуть мужиком и природой.

Я слушал Зиннура, оглядываясь по сторонам и осматривая дом, в котором мне предстоит жить с китайцем по имени Оскар. Так он представился. Дом состоял всего из двух комнат. Первая выполняла функцию кухни и рабочего пространства, а вторая была комнатой отдыха. Эта деревянная лачуга была слеплена небрежно и грубовато, но был в ней какой-то шарм.

Я облачился в наряд пасечника. Я выбрал максимально большие штаны, но даже их длины не хватило, чтобы полностью закрыть ноги. На одном колене красовалась дыра, но самым веселым был головной убор. Мне кажется, что со стороны я был похож на пчеловода, которого потрепал тexasский ураган. Я хотел взглянуть на себя в зеркало, но его в доме не оказалось. «Ну и хорошо», – подумал я, выходя из дома, по ходу движения влепившись головой в дверной косяк.

Оскар остался в доме и мастерила рамки для ульев. Как

оказалось, он выполнял именно это задание, когда я вошел в дом. Мы с боссом Зиннуром отправились осматривать владения. Кстати, боссом я стал называть Зиннура с первого дня, и в этом рассказе ничего не изменится. Мы бродили среди ульев, коих было более трехсот на пасеке, и босс рассказывал мне о специфике работы пчеловода. Первое, что заинтересовало меня, – насколько часто пчелы кусают пасечников.

– Пчелы кусают меня каждый день по десятку раз, – ответил Зиннур. – Мне уже не больно, и я перестал замечать укусы. Кстати, после укуса пчелы у человека улучшается иммунитет, поэтому пчелиный яд часто используют в фармацевтике для изготовления лекарств и мазей.

Я ничего подобного не слышал, а проверять на себе не очень хотелось. Однако я понимал, что без укусов не обойдется. Это пасека, черт возьми. Тут пчел больше, чем где-либо в другом месте. Я на их территории. С этими мыслями я направлялся в уборную, где, сделав необходимые дела и совершенно замечтавшись, я вышел на пасеку без головного убора.

Знаешь, что происходит, прежде чем тебя укусит пчела? На миллисекунду ты слышишь что-то похожее на звук из гонки «Формулы-1», когда суперкар пролетает мимо, оставляя после себя лишь тонкий ультразвук. Вжииииииууууу. Именно с таким звуком пчела атакует тебя на бешеной скорости. Ты слышишь этот звук и знаешь, что через мгновение

будет очень больно, но сделать ничего не можешь. Это фатальный звук.

– Аааааааа! – заорал я на всю пасеку. Пчела влепила жало мне под глаз. Босс, увидев происходящее, лишь усмехнулся и бросил издалека:

– Поздравляю с первым укусом! Я же говорил, чтобы не забывал про головной убор. Эх, городской.

Я не знаю, с чем сравнить боль от укуса. Если только человека ткнуть раскаленной иголкой под кожу, то будет похожий эффект. Промывая глаз, я проклинал себя, что приперся на пасеку. Ощущений новых захотелось. «Ну и как ощущения, – спрашивал я себя, нащупывая шишку под глазом, – нравится?» Ничего не ответив, я водрузил головной убор пасечника на голову и, бурча проклятья под нос, продолжил работу. Так прошел мой первый день в должности пчеловода. Со счетом 1:0 в пользу пчел.

Ночь опустилась на пасеку. Оскар давно отрубился, а я не мог заснуть и глядел через мелкое окошко в пустоту поля. Живут здесь люди и работают, как 100 лет назад. Трудятся в полях, спят в деревянных домах, чай пьют с медом. А мы в городах и не помним, каково это. У нас мед на полке магазина появляется сам собой. А как и откуда, никому не интересно.

Я достал телефон и включил фонарик. Я сделал это в первый и последний раз. Такого изобилия ползающих и летающих насекомых я не видел даже в деревне у бабушки. Пчелы,

мухи, жуки, пауки, комары, шершни, сороконожки, щипалки. Дом был деревянным, со множеством щелей, и местная фауна с радостью заглядывала к нам в гости. Я выключил свет, закрыл глаза и старался не думать о живности вокруг меня. Хоть мы и часть природы, но лучше не знать, что ночью заползло тебе в нос и выползло из уха.

У пчел выходных не бывает

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Трудились мы каждый день, и поверьте, на пасеке всегда есть чем заняться. Мы вставали в 7 утра, умывались, завтракали, а в 8:30 начиналась работа. Каждый день мы удивлялись, что появляются все новые и новые задачи. Были и регулярные работы, такие как: сбор роев с пчелами, заселение пчел в ульи, строительство рамок. Чаще всего пчелы собирались на деревьях и кустах. Рой надо было собрать в роевню (переносной улей), где пчелы находились до самого вечера. Вечером из роевни мы переселяли пчел в улей, создавая тем самым новую семью, которая в будущем будет приносить мед. И так изо дня в день. Надо отметить, что босс Зиннур не внедрял инновации со времен... Босс Зиннур никогда не внедрял инновации. Он работал по старым, но проверенным методикам пчеловодства, благодаря которым мы с Оскаром прочувствовали все прелести жизни олдскульного пчеловода.

Поначалу я опасался больших роев и приближался к ним с осторожностью. Рой – это огромная движущаяся и гудящая масса пчел. Черная субстанция из насекомых, которая живет своей жизнью. Страшно представить, что будет, если опустить руку в эту массу. Скорее всего, на месте руки останется обрубок. Конечно, так никто не делает, но моя больная

фантазия рисовала разные варианты.

Самое тяжелое время на пасеке с 12 до 15 часов. Летом в Башкирии очень жарко, к тому же нам приходилось надевать костюм-скафандр, защищающий от укусов пчел. Однажды, в один из таких жарких дней, босс попросил выкосить траву около ульев. Задача звучала безобидно, пока мы не приступили к работе. Представьте, что вы сидите дома и смотрите спокойно телевизор, и тут вдруг к вам врывается великан и переворачивает диван, раскидывает вещи и громко шумит. Мне кажется, что именно так чувствовали себя пчелы в тот день. Они очень разозлились. Целыми семьями они кружили у моего лица. Каждую секунду я ощущал дискомфорт. От пчел меня отделяла тонкая сетка на лице, о которую они отчаянно бились, стараясь меня достать. Часто пчелиное жало доставало до кожи через защитную одежду. Адская жара провоцировала снять хоть на секунду головной убор. Иногда пчелы заползали в дырку на штанине, которую я забывал защитить, и это придавало особых ощущений.

Это был непростой день. Я старался привыкнуть к психологической пчелиной атаке и сравнивал насекомых с японскими камикадзе, которые тоже погибали после атаки. Я пытался сделать их условия жизни лучше, а они этого совсем не понимали. Оскар тоже нервничал, но виду не подавал. Он оказался стойким и физически сильным малым. В головном уборе пасечника он не сильно отличался от рабочего на китайских рисовых плантациях. Я глядел на эту картину по-

среди башкирского края, и это поднимало мне настроение в сложные минуты.

Как же Оскар оказался в Башкирии? Его мечта – побывать в Лондоне. Долгое время он работал в Малайзии поваром, но рутина пожирала его день за днем и однажды он собрал рюкзак и отправился через громадный континент к заветной мечте. Что-то мне это напоминает. Наши желания были и правда похожи. Странные, ветреные, авантюрные. Я смотрел на невысокого худенького китайца с черными волосами и маленькими карими глазами, но с волевым характером и огромным желанием дотянуться до мечты. Путь Оскара лежал через Юго-Восточную Азию, Монголию, Россию, Европу, а мой в точности наоборот, и мы встретились где-то посередине. Наверное, дорога послала мне Оскара для понимания, что я далеко не один такой отчаянный дуралей в этой Вселенной.

Жаркие дни на пасеке сменяли друг друга. Я не заметил, как пролетела неделя или больше. Дышалось легко и бодро. Со временем я привык к укусам пчел и тяжелой работе и даже к тому, что постоянно бился лбом о дверной косяк. Я видел плоды своего труда, работая на свежем воздухе, как работали наши предки, которые были ближе к природе. Забытые чувства цифрового века. Сегодня люди бегут от природы в города, но кто знает, может быть, скоро все изменится.

Багровые закаты

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Чтобы найти интернет в глухой башкирской деревне, нужно потратить месяцы, а может быть, и годы. Изучив местность вдоль и поперек, мы с Оскаром нашли связь на одной из цветочных полян. Поляну мы окрестили волшебной. Оттуда мы с Оскаром связывались с внешним миром. Однажды на одном из магических сеансов я получил сообщение от журналистки из башкирской газеты. Она предложила сделать репортаж про пасеку. Потолковав с боссом и получив разрешение, мы, попивая чай и черпая мед из ведра, сидели и ждали прибытия прессы.

Путешествие – это эмпирический путь разрушения шаблонов. И мой стереотип в отношении провинциальной журналистики был разрушен в пух и прах. Дарья Петрова оказалась большим профессионалом. Она задавала интересные вопросы и делала фотокарточки, а мы с Оскаром рассказывали о буднях на пасеке. Оскар иногда отвечал по-русски фразами, которым я успел его научить. Матерные словечки он придержал.

Среди многочисленных вопросов, адресованных боссу Зиннуру, в мою память врезался один. Даша спросила Зиннура про отдых. А именно, давно ли он куда-нибудь ездил? – Да куда я ездил? Никуда я не ездил. Всю жизнь тут. Ле-

том пасека. Зимой скотина. Я даже болеть не имею права. Хозяйство, знаете ли, – улыбнулся босс.

Я размышлял над его словами. В них была какая-то несправедливость мира, а с другой стороны, он счастлив на своей пасеке с родными башкирскими пчелами. Босс принимает работников из разных стран. Общается с ними и слушает истории со всего мира, путешествуя таким образом с гостями. А здесь его дом, его земля.

Мы проводили Дарью, пожелав ей доброго пути. Я залез на забор и наблюдал, как у реки резвятся мускулистые, переливающиеся на солнце лошади. Очень захотелось искупаться, но нельзя. Уже третий день в нашем районе ищут утопленника. В Башкирии большая проблема с молодежью. Босс рассказывал много подобных историй. Молодые люди, не уехавшие в большие города, пьют, употребляют наркотики и заканчивают жизнь самоубийством. То повесится кто-нибудь, то застрелится, то в реке утонет. Босс говорил, что такие случаи в башкирских деревнях стали обыденностью. Хотя что я знаю об этой стране? Разве такое только в Башкирии? И разве нормально называть это обыденным? Больше вопросов, чем ответов. Хотя только так, задавая вопросы, можно приблизиться к тому, что принято называть истиной.

Солнце садилось. Мы стояли втроем с Оскаром и Зиннуром, молча глядя на багровый закат. Так красиво и тихо. Слово вся Россия замерла, наблюдая, как очередной день уходит в небытие. Я слегка повернул голову к Зиннуру и, не

отрывая глаз от заката, спросил:

– Босс, а может быть, что молодежь вернется в деревни и займется сельским хозяйством?

– Не знаю, – задумчиво ответил Зиннур. – Могу сказать одно: пчеловод – это призвание. Если бы появился какой-нибудь хороший парень с большим желанием, то я бы ему обязательно помог. А так, э-э-э. Одни пьяницы.

Мы опять замолчали. Оскар не знал русского языка, но мне показалось, что он понимал суть разговора. Последние лучи блеснули на небосводе. Я буду скучать по этому месту. По запаху земли и цветов. По песням Оскара. По тому, как мы ели мед из ведра и пили воду из миски, из которой пил бродячий кот. Как дождь заливал нашу деревянную лачугу, а мы заклеивали щели пластиковыми пакетами. И, конечно, по сказочным багровым закатам. Даже по дверному косяку буду скучать, который принял на себя 15 ударов моего лба.

Солнце окончательно пропало где-то за темным лесом, но не навсегда. Через семь часов оно разбудит нас теплыми утренними лучами, и начнется новый день сельской жизни. На пасеке я провел три недели. И одним ясным утром босс Зиннур, похлопав меня по плечу, вручил трехлитровую банку меда, и мы попрощались. Я вышел на дорогу, чтобы продолжить кругосветное путешествие. Может быть, когда-нибудь и я заведу пасеку или клочок земли, где буду выращивать домашние помидоры и виноград и поставлять их на стареньком грузовике в рестораны города. Может быть.

P.S. К РАССКАЗУ «КАК Я СТАЛ ПЧЕЛОВОДОМ»

– Репортаж Даши Петровой можно найти на просторах интернета под названием «Кому в Башкирии медом намазано».

– Оскар спустя три месяца добрался до Лондона. Он прислал мне фотографию на фоне башни Биг-Бен, но почему-то у него не было переднего зуба. Я решил не уточнять. Мало ли что случается в пути.

Что там на Урале?

Шел 35-й день кругосветного путешествия. Я в Челябинске сижу в квартире фотографа и моего друга Максима Тарасова и пытаюсь переварить происходящее. Больше месяца прошло с того момента, как я вышел из дома. После работы на пасеке я успел зависнуть в Уфе и даже снялся в рекламе пряников. Надеюсь, я никогда не увижу этот видеоролик, потому что моя актерская игра была ужасной. Трехлитровую банку меда, полученную от хозяина пасеки, я расфасовал по маленьким емкостям и отправил друзьям и знакомым.

Покинув Башкирию, я автостопом отправился в суровый Челябинск. На трассе меня подобрал Леха Меркулов – настоящий коренной челябинец. Его уральский лексикон и разговоры о геях я запомню надолго. Не любят они их там, если вкратце. В Челябинске я сначала ночевал на лесопилке, где работал Леха, а потом переместился к Максиму, с которым мы познакомились на каучсерфинге, а потом сдружились и неделю колесили по Челябинской области.

Среди увиденного в Челябинской области больше всего меня поразил город Карабаш. По неофициальным данным, Карабаш является одним из самых загрязненных городов России. Эту информацию проверить сложно, но через полчаса нахождения в городе во рту появился кисловатый вкус, напоминающий пальчиковую батарейку, если ее лизнуть. Еще

через полчаса добавилось першение в горле и начали слезиться глаза. Причина – медеплавильный комбинат, который долгие годы трудился на благо страны без очистных сооружений, выбрасывая ядовитые отходы в воздух. В июне 2010 года в Карабаше наблюдалось уникальное природное явление – преждевременная осень. Пожелтели листья, пожухла трава и сгнил урожай на близлежащих участках. В Карабаше есть свои городские достопримечательности, а именно железный крест величиной 25 метров, установленный на облысевшей от промышленных выбросов горе и, видимо, символизирующий, что жителям этого города осталось надеяться только на бога. Население города, кстати, составляет 11 тысяч человек.

Я стоял на выжженной горе рядом с огромным крестом, и казалось, что это декорации к фильму-апокалипсису. Высокая труба завода торчала в центре города и пытела, распространяя грязно-зеленый дым по горным массивам. Тонны черного пепла и отходов обступили город со всех сторон. Карабаш утонул в них, уходя дальше и дальше под землю. На фоне громадных гор пепла я увидел малюсенькую точку. Я вглядывался в движущуюся соринку, пока очертания не стали более ясными, и я понял, что это очередной самосвал везет отходы в Мордор. Простите, в Карабаш.

Что заставляет человека жить здесь? Заводить семью и воспитывать детей? Неужели нельзя все бросить и найти себя в другом месте? Да, кто-то должен обогащать медь, но почему я? Мои мысли прогнали капли дождя. Местные жите-

ли не советуют попадать под дождь в Карабаше, потому что отходы из трубы, смешиваясь с водой, образуют серную кислоту, которая может выжечь растительность не только в полях и лесах, но и на голове человека. Мы с Максом решили вернуться к машине и начали спуск, но погода так быстро менялась, и за несколько минут разбушевалась не на шутку. Поднялся ветер, небо почернело, словно подсказывая нам: «Бегите, глупцы!» Не пожелав превращаться в карабашскую лужу, мы понеслись с горы к машине что есть сил, но все равно намокли. Мы запрыгнули в автомобиль, отдышались, подождали эффекта, но мутаций не произошло.

Удивительно, но на следующий день мы с Максом оказались на одном из самых чистых озер в России. Озеро Тургояк находится в 60 километрах от страшного Карабаша, и вода в озере считается питьевой. Тургояк – озеро сильное, и, сидя на берегу, я ощущал всю его мощь. Я не увлекаюсь эзотерикой, шаманизмом и к «местам силы» всегда относился со скептицизмом, но на Тургояке я ощутил невероятное умиротворение и внутреннюю теплоту. Эти ощущения откуда-то из детства. Когда тебе девять лет, летние каникулы только начались и ты сидишь чумазый на пирсе, пытаешься разглядеть, что происходит под водой. Не переживаешь, не анализируешь и не планируешь, а просто бултыхаешь ногами, наблюдая, как рыбки разбегаются, а потом собираются вновь, чтобы изучить твои потертые пятки.

Я взглянул на Макса. Ветер трепал его волосы, а он смот-

рел вдаль и думал о чем-то своем.

– Макс!

– Да?

– В чем смысл жизни?

– Жить. Все просто.

P.S. К РАССКАЗУ «ЧТО ТАМ НА УРАЛЕ?»

– Максим Тарасов и сейчас живет в городе Челябинске, и если вам повезет и он вас приютит, то знайте, что вы большой счастливчик. Макс – это глубина.

– Медеплавильный комбинат в городе Карабаш работает и по сей день.

Горный Алтай

Дом для всех

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дальнобойщики, дорожная пыль, тяжелый рюкзак, голод и жажда, холод и жара – вечные спутники бродяги-автостопщика. Если кто-то питает иллюзии, что путешествие – это чистая романтика, то он ошибается. Однако все невзгоды и дискомфорт перекрывают сильнейшие эмоции и необъяснимые изменения, происходящие внутри.

Поколесив по жаркому Казахстану и проехав его с запада на восток, я вернулся на территорию Российской Федерации, а затем решил направиться в Горный Алтай. На тот момент я ничего не знал об этом регионе. Из словосочетания «Горный Алтай» напрашивался единственный логичный вывод, что там есть горы. Как и во многие места во время путешествия, я ехал интуитивно, ничего заранее не планируя.

Я держал путь в село Чемал, в легендарный «Дом для всех». Место встречи путешественников со всего мира. В доме можно было жить бесплатно, если ты адекватный, доброжелательный и неприхотливый человек. Хотя и это не обязательно. Пристанище бродяг в Чемале представляло собой девять соток земли и деревянный одноэтажный дом. В доме

была кухня и комната для сна, в которой люди спали на полу, как шпроты в банке, плотно прижавшись друг к другу. В доме пахло старым деревом, горными травами и крепким табаком, а на стенах висели географические карты Алтая и записки от путешественников. По периметру дома, на каждом свободном клочке земли были расставлены палатки. В них жили ребята, которым не хватило места в доме, или попросту любители свежего воздуха. Атмосфера в «Доме для всех» чем-то напоминала советское кино. Повсюду бродили бородатые мужики в свитерах, вкусно дымившие папиросами, а девушки прихлебывали чай из алюминиевых кружек, задумчиво глядя на вершины гор.

За ужином, когда тени от громадных гор ложились на село, а языки костра прыгали по темному алтайскому небу, жители дома собирались за столом и травили байки. У всех ребят была какая-нибудь своя увлекательная история, и вскоре такая история появилась и у меня.

Ороктойские пещеры

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Это был мой первый день в «Доме для всех». Я добрался автостопом до Чемала с водителем, похожим на Вадима Галыгина, правда, шутил он не так хорошо, зато угощал семечками и квасом. Захлопнув дверь грузовика, я на несколько минут присел у дороги на трухлявое дерево, чтобы сделать запись в блокноте.

«Добрался до села Чемал в Республике Горный Алтай на 50-й день путешествия».

В селе меня встретила Ольга Крехова, девушка, поддерживающая порядок в «Доме для всех», среди самых беспорядочных людей в мире. Мы шли вглубь деревни, обсуждая Севастополь и Крым. Оля бывала в тех краях и вообще была тертым калачом и навернула автостопом не одну сотню километров по России. В процессе разговора я оглядывался по сторонам, поражаясь удивительным видам. В Чемале настоящий Горный Алтай только начинался, но даже там я уже мог насладиться величественными темно-зелеными хребтами гор, нависшими над крохотным селом.

Пройдя через двор, пестревший цветными туристическими палатками и сохнувшим на веревках бельем, я направился к входу, но не успел открыть дверь, как она резко распахнулась и на пороге возник худощавый парень с живыми бега-

ющими глазами.

– Здорово! – Он протянул мне жилистую, сильную руку. – Меня Вова зовут, а это моя жена Маша, и мы идем в Ороктойские пещеры, с нами хочешь? – выпалил он на одном дыхании.

Я, признаться, был очень уставшим после нескольких дней автостопа, и расстеленные коврики для сна, которые я заприметил в комнате, манили мое тело. На долю секунды я замешкался с ответом, но вспомнил, что в путешествии я нахожусь в режиме «всегда говори «да» и открыт всему новому.

– Да, хочу, – ответил я. – Надо брать спальник или палатку?

– Не-е-е-е, – протянул Вова, – сегодня точно вернемся! Воды захвати!

Сегодня точно вернемся... В тот день я не подозревал, что скоро эта фраза станет легендарной. К нашей команде присоединился Дима, бородатый и веселый парняга из Ярославля, который бросил работу на заводе и уехал покорять Алтай. Димон – русский человек, который любил душевные разговоры, горы и водку. И надо сказать, что последнее никак его не портило. Голубоглазый, коротко стриженный, крепкий, он носил синюю шапку «петушок» и не имел табу для разговоров. Вова и Маша оказались семейной парой из Беларуси, которые, так же как и я, отправились в кругосветное путешествие. Вова – рыжеватый, подтянутый и невероятно

живой молодой человек, а Маша – красotka-блондинка с голубыми глазами и внешностью, задуманной для глянцевого журнала, а не походов по алтайским горам.

Изначально, покинув «Дом для всех» почти в час дня, мы понимали, что это довольно поздно, но это нас не остановило. Я бросил рюкзак и теплые вещи, захватил бутылку воды и бодреньким шагом направился вместе с ребятами к дороге.

На Алтае, и в частности на Чемальском тракте, движение очень неактивное. Автомобили появлялись нечасто, и желающих подвезти четырех бродяг оказалось немного. Мы уже подумывали разделиться, чтобы увеличить шансы, но вдруг возле нас остановился старенький джип. Без лишних слов водитель сделал жест головой, подсказывающий, что надо загружаться в автомобиль. Мы переглянулись, уселись в машину и, поблагодарив в один голос водителя, тронулись по тракту. Водителем оказался бывший чемпион СССР по вольной борьбе. Он ехал на спортивную базу, где тренировал молодое поколение. Угрюмый мужик был неразговорчив и явно не одобрял нашу затею передвигаться автостопом по Горному Алтаю. Высаживая нас у поворота на базу, он предупредил о медведях и недружелюбных алтайцах. И, усмехнувшись, добавил, что пьяные алтайцы даже поопаснее медведей будут.

Мы не проехали и половины пути, а часы показывали три часа дня. Выйдя вновь на дорогу и подняв большой палец вверх, я стоял в ожидании транспорта и нового незнакомца

за рулем. Ты никогда не знаешь, кто будет этот человек, с какой судьбой, переживаниями, характером. Еще одна машина пронеслась мимо, я вздохнул и невольно оглянулся. Позади меня раскинулись алтайские пейзажи, будто сошедшие с картин русских живописцев. Я представить не мог, что живу в стране с такими красками. Тысячелетние горы, покрытые соснами, кустарниками и мхом, возвышались над изумрудной рекой Катунь, которая с шумом неслась под нами, огибая камни и скалистые повороты. На ярко-голубом небе без единого облака кружили птицы, было так тихо вокруг, и мне казалось, что я слышу их редкие взмахи крыльев. И среди этой дикой красоты пролегала дорога, на которой стояли четыре путника с поднятыми вверх пальцами.

Стрелки на часах незаметно подоברались к пяти часам вечера. Сначала «уазик» с грустными монголами, потом местный рыбак, который тоже сокрушался над нашим нищесбродством, но мы все-таки добрались до развилки на село Ороктой. Оттуда мы уже пошли пешком в сторону пещер, зависнув ненадолго на железном мосту через широкую и бурную Катунь. Уже в тот момент, глядя с моста на могучие горные хребты, начали появляться мысли, что нам придется ночевать не под крышей «Дома для всех».

Мы шли по пыльной проселочной дороге, глядя по сторонам в поисках заброшенных домов, но делали это скорее в шутку, надеясь, что договоримся переночевать в селе. За новыми и новыми изгибами дороги раскидывались неверо-

ятной величины поляны, на которых изредка, но можно было увидеть диких мускулистых лошадей, неторопливо пощипывающих траву. За очередным поворотом появилось село Ороктой, которое оказалось практически безлюдным, и даже единственный продуктовый магазин был закрыт. На улице потихоньку темнело, и с гор повеяло тревожной прохладой.

– Володя, – негромко обратился я. – Полагаю, что нам придется заночевать где-то.

– Да, что-нибудь придумаем, – откликнулся Вова.

Мы добрались к пещере в семь часов вечера, преодолев пешком 12 километров, 3 из которых в гору с сильным уклоном. На высоте 1500 метров над уровнем моря мы обнаружили небольшой вход, заросший кустами и травой. Отдышавшись, мы осмотрели вход в пещеру, из которого повеяло диким холодом. Солнечные лучи пробивались сквозь деревья, но мы понимали, что из пещеры выйдем уже в сумерках. Неподалеку валялась зимняя одежда, оставленная добрыми людьми для новых посетителей. Мы облачились в грязную и не очень приятно пахнущую одежду, став еще больше похожими на бомжей, и нырнули в недра пещеры.

Внутри по ощущениям было градусов 5–6. Стены покрыты льдом, изо рта валит пар, а с потолка грозно свисали прозрачные сталактиты. Кроссовки скользили по обледеневшим камням, а мозг противился спуску в тесные каменные коридоры. Я прикасался рукой к холодным стенам, и на них отражалась моя тень. Проходы были очень узкие, и порой

нам приходилось ползти на животе, как настоящим спелеологам. В некоторых местах, пролезая под огромными вековыми глыбами, я замирал на несколько секунд, представляя, как многотонная скала с легкостью может придавить меня и оставить здесь навсегда.

Изрядно замерзнув и окончательно извалявшись в грязи, мы, чумазые и довольные, выползли на поверхность. Я был счастлив, потому что замкнутые пространства всегда вызывали у меня двойственные чувства. Я не ощущал фобии, но мне приятнее и спокойнее, когда я вижу небо над головой. После пещеры погода показалась комфортной, и мы оставили теплые вещи там же, где взяли. Это оказалось большой ошибкой. Закурив папиросы и бурно обсуждая подземные загадки матушки-природы, мы поспешили в село в надежде отыскать ночлег. Часы показывали 20.00, солнце перестало греть и через несколько минут вовсе потухло, а по коже пробежала первая зябкая дрожь. Я накинул кофту и натянул на голову красную шапку, связанную мамой: единственные теплые вещи, которые у меня были с собой в ту ночь. Мы дошли до села, и только кое-где в окнах горел тусклый свет, а остальные дома были погружены в кромешную темноту. У закрытого магазина мы встретили двух изрядно подпитых алтайцев, которые устремили на нас окосевшие взгляды. Один из них, высокого роста с небритым угловатым лицом, агрессивным тоном прохрипел:

– Че вы здесь делаете?

– Ищем где переночевать, – спокойно ответил Вова, пока мы с Димомом оценивали потенциальную опасность этой парочки. У одного на поясе висел нож в ножнах, и этот факт крайне настораживал.

– Деньги есть? – поддакнул второй персонаж, который был поменьше ростом, но бегающие глазки и хитрый прищур выдавали его криминальное прошлое.

– Нету, мы автостопом по Алтаю передвигаемся, – вмешался я в разговор, мысленно благодаря бога, что мы трезвые и нас трое.

– Дебилы конченые! Сколько вас тут шляется, и все без денег, но пиздеть мне не надо. Вижу, что деньги у вас есть. Сколько за ночевку готовы заплатить? – Мелкий алтаец с ножом на поясе сделал неуверенный шаг в нашу сторону.

Мы разом отпрянули назад и переглянулись. В этом взгляде со скоростью света пронеслось незамедлительное решение.

– Бежим!

Сверкнули наклейки на Машкиных кроссовках, а Димон зачем-то резко свистнул, и мы как по команде дали деру.

– Суки, стоять! – донеслось нам в спину.

Я всегда быстро бегал и даже выступал за школу и университет, но думаю, что в том забеге я побил все школьные рекорды. Мне казалось, что я летел как лань, и Димон, пыхтевший мне в ухо, видимо, был того же мнения о себе. Сзади слышался какой-то шум, но повернуться назад было страш-

но, хотя я был полностью уверен, что пьяные мужики не могли долго продержаться. Не знаю, сколько мы бежали, может километр, а может, и больше, пока кто-то не остановился. Мы обернулись, увидев, что преследователей позади нет и мы совершенно одни в крошечной темноте.

Сильно похолодало, и я взглянул на часы, которые показывали половину одиннадцатого вечера. Никаких других вариантов, кроме того, чтобы идти вперед, не было, и мы шли, пытаясь друг друга развеселить, перебирая варианты, чего бояться больше: холода, медведей или пьяных алтайцев. Мы ужасно жалели, что не взяли теплые вещи из пещеры, но они были оставлены для новых посетителей и забирать их было бы неправильно. Ноги заплетались от усталости. Вдруг мы услышали звук автомобиля и увидели свет фар. Первая мысль, которая пронеслась в голове: алтайцы догоняют на машине. По встревоженным глазам Вовы я понял, что такая мысль посетила не только меня. Убегать в лес и потеряться в его дремучей темноте было еще страшнее, и, не проронив ни слова, мы остались стоять на обочине. Возле нас с резким торможением остановилась старенькая «Нива».

– Че вы тут делаете?

Этот вопрос я уже слышал второй раз за вечер, но в этот раз его задавал седой морщинистый дед.

– Автостопом добираемся в Чемал, там у нас лагерь, – промямлили мы в один голос.

– Сегодня точно не доедете. Машин тут и днем-то нет, а

ночью и подавно, а до главной дороги будете всю ночь топтать, если не замерзнете, – оглядывая нашу легкую одежду, подметил дед.

Поразмыслив и окинув нас взглядом, подсчитывая количество человек, алтаец сказал:

– Можете переночевать у меня. Тут не очень далеко, и я как раз туда еду. Всего 500 рублей с человека.

В этот момент его слова меня разозлили. Почему в сложный для людей момент он пытается заработать? Просто будь ты человеком и сделай доброе дело. И пока вопросы один за одним возникали в моей голове, дед, заметив наше смятение, разрешил обстановку сам.

– Ну и ладно, дело ваше, счастливо! – бросил он и нажал на педаль.

Нам оставалось только провожать огоньки фар, глотая пыль сельской дороги. Каждый из нас в тот момент думал, что надо было соглашаться на его предложение, но принципиальность и тот путь, который мы проделали, давали стимул и смелость для продолжения пути. Думает ли сейчас этот мужик про нас? Или он со спокойной совестью едет домой в теплую постель? Люди разные.

Все замерзли, но продолжали двигаться вперед, прижимаясь друг к другу. До базы в Чемале оставалось примерно 50 километров, и, возможно, нам придется идти всю ночь, чтобы не замерзнуть. Ноги волочились сами по себе, как будто без моих усилий. Глаза адаптировались к темноте, и можно

было рассмотреть деревья, камни, изгибы реки, но приближающийся силуэт я никак не мог распознать, и только подобравшись ближе, мы поняли, что перед нами тот самый железный мост через реку. Рядом с мостом мы заприметили заброшенное летнее кафе. Кто построил его в этой глуши? Бог его знает. Дверь была закрыта на замок, но вход на веранду был открыт. Мы присели на лавочку.

– Дальше пойдем? – спросил я.

– Придется ночевать здесь, – ответил Вова. – До базы пешком не дойти, да и силы закончились. Он взглянул на часы. Полночь.

Холод

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Разместиться рядом с горной рекой было не самой лучшей идеей, но других вариантов не было. Ночью от Катуня исходил ледяной поток ветра, пронизывающий насквозь ветхие, сколоченные наспех стены кафе. Раньше я только слышал рассказы, что ночью в горах холодно, но сейчас ощущал это на своей шкуре. Володя принес откуда-то несколько картонных коробок и, распотрошив их, постелил часть на деревянный пол, а остатки мы решили использовать как одеяло.

Мы лежали, прижавшись друг к другу, где-то на полу заброшенного кафе в горах Алтая. Четыре почти незнакомых друг другу человека под одним картонным одеялом. Пожелав спокойной ночи и договорившись обязательно проснуться утром, мы затихли. Мне никогда не было так холодно. Мои внутренние органы как будто стали работать медленнее, и я перестал их слышать. А слышал ли я их до этого? Холодный ветер завывал за деревянной стеной, как волк, идущий по следу. Я ненадолго засыпал, просыпаясь для того, чтобы пошевелить пальцами ног, которые переставал чувствовать. Время тянулось невероятно медленно, и я никогда не ждал восхода, как в ту ночь. Я мечтал и грезил о солнце. Чтобы оно согрело все вокруг. Эти высоченные темные горы, ледяную реку, веранду, нас. Димон зашевелился, подышал, пы-

таясь согреть ладони, и спросил меня:

– Как дела?

– Да нормально, поскорее бы рассвет, – простучал зубами я.

– Хочешь ботинки дам погреться? – сказал Димон, видимо, вспомнив, что на мне легкие кроссовки.

– Не, спасибо, пару часиков до рассвета осталось. Протяну.

Мы зарылись с головой в картонное одеяло, как хомяки в газету, и я задремал с какой-то странной, но приятной улыбкой на лице. Надо же, Димон хотел дать мне погреться свои ботинки. Ну, дает пацан.

Сквозь дремоту я услышал какой-то шум и открыл глаза. Я живой, это хорошо. На улице светало, и я мог усмотреть очертания гор. Продрогший Володя, сидя на корточках, мастерил костер из веток и мусора, и я, шмыгая носом, присоединился к поиску дров. Чиркнув несколько раз спичкой, он разжег костер, который через несколько минут запылал манящим пламенем. Остальные ребята проснулись и поспешили греться. Все скинули обувь и, разложив задубевшие ноги на камнях у костра, ждали, когда в них появится хоть какая-то жизнь. Уже были видны очертания долины, по которой неторопливо стелился густой утренний туман, и сквозь него, местами, можно было увидеть, как первые лучи солнца падали на горы, и от этого они становились чуть добрее. Река из черного бушующего ночного месива с каж-

дой минутой меняла цвет, окрашиваясь в бирюзовое чудо. Начинался новый день.

Мы вернулись в «Дом для всех» ближе к полудню. Взволнованные ребята встретили нас объятиями и сладким чаем. Мы сидели на кухне, и Володя рассказывал о великой значимости картона в нашей жизни. Мы болтали о всяких глупостях, веселились, а главное, были здоровы и, судя по всему, счастливы. Вот они, пацаны и девчонки, и я смотрю на их улыбающиеся румяные лица. Знаю их всего один день, а кажется, что всю жизнь. Самые настоящие товарищи: Володя и Маша из Минска, Дима Носов из Ярославля, Кирилл Смородин из Севастополя. Ценность жизни в ту ночь выросла для меня в неизвестное количество раз, а словосочетания «картонное одеяло» и «сегодня точно вернемся» долгое время вызывали улыбку. Возможно, вы и сейчас услышите эту байку в стенах чемальского дома, а лучше создайте и проживите свою историю. Ведь у всех путешественников, приезжающих на Алтай, должна быть какая-нибудь своя увлекательная история.

P.S. К РАССКАЗУ «ГОРНЫЙ АЛТАЙ»

– На момент выхода книги Вова и Маша вернулись из путешествия, к сожалению, не сумев пробраться дальше Азии. Сначала они получили отказ в визе Австралии, а потом США. Дима Носов работает на рыболовецком судне в районе Камчатского полуострова.

Девочка с железной дороги

Кругобайкалка

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

После горно-алтайских историй, воодушевленный и вдохновленный, я продолжил путь по России. Барнаул – Новосибирск – Кемерово – Красноярск – Иркутск, я летел сквозь города к Байкалу, перестав подсчитывать количество остановленных автомобилей, но один водитель запомнился мне надолго. Это был узбек, имя которого уже не вспомнить. Около 1800 километров я проехал с ним и грузом овощей из Кемерово в Иркутск, слушая одну и ту же музыкальную кассету. Я не имею ничего против узбекской музыки и 80-х, но мы слушали десять песен по кругу в течение двух суток. С одной стороны, повезло, что меня подобрал водитель, который ехал на столь дальнее расстояние, а с другой – после поездки в моей голове еще неделю крутились среднеазиатские хиты.

Я сижу в теплой иркутской квартире, пишу заметки и смотрю в окно. Шестьдесят седьмой день путешествия, и я в Сибири. Так далеко Кирилл Смородин еще не забирался, и это далеко не конец России. У нас самая большая страна в мире. На дворе XXI век, и мы разговариваем с родителями по скайпу, летаем чартерами в Таиланд, но так и не смог-

ли освоить огромные территории Сибири и Дальнего Востока. Как живут здесь люди в маленьких деревнях на отшибе Российской империи? В сибирских местах, куда ссылали каторжников и неугодных, где отбывали срок декабристы, где жизнь идет своим ходом, удаленным от столицы на 6 тысяч километров бесконечных полей, лесов, тайги и бездорожья. В мои мысли ворвался звонкий голос Маши Коркиной, милой девушки, у которой я остановился в Иркутске по каучсерфингу.

– Кир, а ты на КБЖД поедешь?

– Куда?

– Кругобайкальская железная дорога, слышал?

– Нет, дай-ка погуглю!

В Иркутске я решил сделать китайскую визу, поэтому почти две недели прожил в этом городе. Я гонял на Байкал, гулял по архитектурному центру Иркутска, лазил по старинным вокзалам, где во времена Гражданской войны ожидал своей участи поезд с золотым запасом империи, зависал на мосту, с которого, говорят, видно место расстрела Александра Колчака. Этот город дышал историей.

Как сообщил всемогущий интернет: Кругобайкальская железная дорога (КБЖД) – до 1949 года часть Транссибирской магистрали. Этот участок, построенный в начале XX века, являлся произведением инженерного и архитектурного искусства. Российская империя потратила колоссальные деньги на строительство дороги из-за рельефной сложности

и необходимости постройки большого количества виадуков и тоннелей. Кругобайкальскую железную дорогу называли «золотой пряжкой стального пояса России». КБЖД функционировала до 1956 года, пока не была окончательно выведена из Транссиба из-за сложностей ремонта полотна, постоянных оползней, обвалов и затоплений. Однако участок длиной почти в 90 километров остался действующим и открыт для посещения. Изучив карту и закинув в рюкзак теплые вещи, чай в термосе и печенки, я решил преодолеть пешком отрезок железной дороги от станции Старая Ангасолка до станции Слюдянка.

Двери электрички шумно отворились, и я спрыгнул на сибирскую землю. Невозможная тишина вокруг, темные, пахнущие мхом и сыростью стволы деревьев и желто-оранжевые листья, так мягко и аккуратно разместившиеся на их кронах, создавали сказочную атмосферу русской осени. Я уселся на лавочку и несколько минут наслаждался природой, привыкая к Сибири, и, мне кажется, она привыкала ко мне.

Я пробирался через хвойный перелесок к заброшенным железнодорожным путям, проклиная себя, что до сих пор не купил ботинки. Перепрыгивая ручей, я поскользнулся на одном из камней и с размаху разложился прямо на земле, глядя в бесконечное серо-голубое небо. Отряхиваясь и вытирая грязь с пятой точки, я раз и навсегда зарубил на носу, что обувь – важнейший атрибут в путешествии.

Лес понемногу редел и, в конце концов, вовсе расступил-

ся, предоставив возможность остаться один на один с Байкалом. Я медленным шагом направился к огромному виадуксу с тремя арками, под которым шумели волны одного из самых больших озер на Земле. Вокруг ни души. Я закрыл глаза и представил, как по этому виадуксу 100 лет назад мчался паровоз, а в нем сидели важные особы, покуривали папиросы с мундштуком, попивали кофий, а кто-то и шампань. Мужчины с длинными пышными усами в элегантных костюмах и шляпах-котелках и женщины в закрытых черных платьях и аккуратных шляпках с вуалью. Думали они о чем-то своем, о жизни, успехах и неудачах, глядя на синие воды озера, и наслаждались поездкой, даже не подозревая, что спустя век железная дорога не будет функционировать, не будет империи, царя и монархии, а Байкал останется таким же синим и величественным. Так и мы сейчас не подозреваем, что будет через 100 лет. Совершенно не имеем понятия.

Я брел по рельсам, пиная камушки и фотографируя уходящую вдаль железную дорогу, которую с одной стороны обступили серые скалы и хвойный лес, а с другой – плотно прижали глубокие воды Байкала. До сих пор я не встретил ни одного человека, и эта прогулка казалась мне какой-то сюрреалистической. Я проходил сквозь темные тоннели, удивляясь инженерной мысли того времени и по традиции выкрикивая какие-то нелепые фразы и слушая, как они эхом отзываются в конце каменного коридора.

Несколько часов я как замороженный шел по шпалам, рас-

творяясь в чарующей природе Байкала, пока не заметил впереди разрушенное каменное строение и несколько деревянных покосившихся домов. Этим объектом оказался остановочный пункт под незатейливым названием «154-й километр Кругобайкальской железной дороги». Я обошел заброшенное каменное здание и, обнаружив лавочку с прекрасным видом на озеро, уселся поудобнее, достав из рюкзака чай и печенье. И только я, прищулив глаза от наслаждения, собирался отхлебнуть сладкого, горячего черного чая с чабрецом, как из ниоткуда появился голос.

– Привет, а у тебя телефон есть? – Голос исходил от маленькой темноволосой девочки, смотревшей на меня большими карими глазами. Я оглянулся по сторонам в надежде увидеть кого-то, кто смог бы подтвердить факт ее реального существования, но вокруг был только Байкал, железная дорога и горы.

– Есть, а тебе зачем? – с недоверием произнес я, оценивая ее наряд. Дырявые спортивные штаны, вязаная растянутая кофта и белая футболка с выгоревшим рисунком, а в руках ведро с картошкой.

– Просто посмотреть хочу, а то у меня никогда своего не было. – Она продолжала смотреть на меня и хлопать ресницами, а я смотрел на нее и недоумевал. Затем достал из кармана телефон и протянул ей. Девочка с неподдельным интересом рассматривала гаджет, но в руки не взяла.

– Красивый, – произнесла она и улыбнулась. Я еще раз

оглянулся по сторонам в поисках чего-то, и, не найдя ответа на немой вопрос, решил узнать, что она тут делает.

Звали ее Люба, и ей было одиннадцать лет. Жили они с родителями на 154-м километре Кругобайкальской железной дороги в деревянных хлипких домиках. Родители держат скот, а точнее, одну корову и несколько кур. Батя подрабатывал на топливной заправке, а мама нигде не работала и занималась домашним хозяйством. В школу до ближайшего поселка Култук девочка Люба ходила по рельсам одна, а это около трех километров в одну сторону и столько же обратно. Это единственный путь до школы, так как с одной стороны расположился Байкал, а с другой – горы. Никакого общественного транспорта быть там, естественно, не может. Переехать в другое место семья не имеет возможности, потому что квартиры в поселке дорогие.

Я сидел и долго слушал совершенно незнакомого мне ребенка, даже до конца не понимая, зачем это делаю. Я и сам без гроша в кармане, бродяга, собравшийся объехать вокруг шарика. Чем я могу ей помочь? Я спросил, где ее родители, но она отвела глаза и сказала, что они отдыхают дома и лучше их не беспокоить. Мы еще немного поболтали, я взглянул издали на их дом с маленькими окошками и заметил одинокую тощую корову на лужайке. Я попрощался с девочкой и поплелся дальше по железной дороге. Не успел я обдумать произошедшую встречу, как через несколько минут услышал топот ног. Меня догоняла Люба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.